МОСКОВСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ
г. МОСКВА
26 ДЕК 1973

Московскому Художественному академическому театру им. М. Горького — 75 лет.

Вряд ли найдется в Москве человек, который никогда не был во МХАТе, не слышал о его прекрасном прошлом, не радовался бы его настоящему и не мечтал вместе с ним о его будущем.

Сегодня мы попросили рассказать о своем отношении ко МХАТу нескольких разных людей.

1898 • 1973

МОЙ МХАТ

Первая точка зрения — со сцены
Говорит народный артист СССР М. М. ЯНШИН:

— Сегодня — наш юбилей. Но мне кажется, надо говорить не о прошлом, а о будущем МХАТа. Потому что люди моего поколения задумываются сейчас о том, как отплатить театру за то, что он фактически дал нам жизнь. Как отплатить своим гениальным учителям?..

— Нам надо забраться повыше, для того чтобы взглянуть на наше прошлое, — говорит мой герой в новой пьесе О. Заградника «Соло для часов с боем». И забраться повыше не для того, чтобы сказать, дескать, раньше было хорошо, а теперь неважно. Совсем нет. Просто нужно, наверное, взять с собой в будущее те заветы и традиции, которые существовали в Художественном театре. Нам надо постараться передать молодым что-то «наше».

Поэтому и праздники, юбилеи — это не только цветы и пироги, выражаясь фигурально, для нас это еще, как в гаданье: и то, что было, и то, что будет, и чем сердце успокоится.

Что же было? Очень долго вспоминать историю Художественного театра. Важно только сказать, что театр появился в трудные, реакционные времена, и несмотря на это, стал рупором передовой русской интеллигенции.

С появлением в театре К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко был создан коллектив молодых актеров-единомышленников. Вспомним такие имена, как Качалов, Москвин, Книппер-Чехова, Леонидов... Примерно в это же время впервые на русской сцене расцвела драматургия Чехова, Горького, Ибсена. И это был расцвет Художественного театра.

Сейчас вышли два тома летописи «Жизнь и творчество Станиславского». Там все описано очень подробно. Я прочел очень внимательно этот труд и заметил себе в назидание: при всех своих успехах Станиславский бывал собой недоволен. Вечно — поиск, движение вперед... Как сам выражался, традиции сохраняют только потому, что в них удобно и привычно. Нужно же постоянно двигаться вперед. И главная традиция требует постоянного движения, развития. Сам Константин Сергеевич говорил, что никакой, собственно говоря, новости он не предлагает. Что так называемая «система Станиславского» заключается в том, чтобы беречь лучшее, что есть в русском театральном искусстве.

Считается, что скрипачу, балетному артисту нужны постоянные упражнения, а драматическому это вовсе не обязательно. Ну, выучил в крайнем случае текст (хотя есть и суфлер), а для своей актерской техники можно ничего и не делать. Хотите пример — как работал сам Константин Сергеевич даже в последние годы? Он, например, приходил на репетицию и обязательно распевался. Мы посмеивались. А он упорно продолжал и требовал того же от нас.

С приходом в наш театр нового главного режиссера О. Н. Ефремова мы приобрели новых, очень интересных авторов. Сам Ефремов предложил целый ряд интересных сообщений о молодой режиссуре, о формировании труппы театра и многое другое. Все это очень ценно, убедительно. Хотя, конечно, требует времени. Одно могу сказать совершенно определенно — Ефремов пришел во МХАТ вовремя.

У нас появилось новое здание, которое нужно освоить. Не так-то просто переехать на новую квартиру, а уж тем более сложно обживать новый театр. Это опять-таки требует времени.

Сейчас приходят в театр новые молодые актеры. Их нужно обучать. Кто этим будет заниматься? Конечно же, главным образом мы, старики.

Я никогда не забуду, как Станиславский говорил мне:

— Вам нужно репетировать Гамлета!

— Кто? Мне?

— Да, вам. Играть его вы никогда не будете. А репетировать надо.

Для чего? Да для того, чтобы вы отвыкли от своих, яншинских, штучек, которые ужс успели полюбить зрители, да и вы сами. Вот видите, как было. А сейчас с грустью порой вижу, как и у очень талантливых артистов появляются штампы. Стало уже немножко скучно оттого, что знаешь, как поставит режиссер спектакль, как сыграет тот или иной актер свою новую роль. А русский, советский театр в свое время с благословения Художественного театра всегда боролся со штампами весьма активно...

В заключение от всей души хочу пожелать успехов нашей молодежи — будущему МХАТа.

Актриса МХАТа Ирина МИРОШНИЧЕНКО:

На мой взгляд, юбилей — это начало. Начало для всех мхатовцев, в том числе и для наших знаменитых «старичков», которые отмечают сегодня не только семьдесят пять лет МХАТа, но — некоторые — и пятьдесят лет своей жизни в этом театре.

Мне кажется, что сейчас многие из них с удовольствием играют в новом спектакле «Соло для часов с боем».

Несколько дней назад я посмотрела в нашем театре «Сон разума», где совершенно по-новому открылся для меня опытнейший актер Болдуман. То, что он делает на сцене, просто превосходно. И его роль — это тоже начто новое, не открытое...

В ближайшее время мы увидим ввод совсем молодых актеров в наш старый, древний спектакль «Синяя птица», с которым связана вся история Художественного театра. И это тоже — начало.

Приятное ощущение — ждать того, что еще будет впереди, каким будет театр. На мой взгляд, наш театр должен быть невероятно интересным.

Сейчас МХАТ живет очень активно, в театре подряд — премьера за премьерой. Одной кое-кто поругивает наш театр за архаику. Ну, а сегодня, мне кажется, эти слова никак нельзя сказать в адрес МХАТа. Это опять современный, живой, подвижный театр. Творчество нашего главного режиссера всегда было отмечено острой гражданственностью, патриотизмом, тонким и ярким пониманием современности. А это, без сомнения, заметно отразилось на нашем репертуаре.

Попробуйте-ка сейчас попасть на «Валентина и Валентину», «Старый новый год», «Сталеварыи», на «Соло...». Зрители охотнее всего идут в наш театр на современные пьесы. Если посмотреть на афишу, увидишь большое количество новых пьес. Многие интересные авторы выступают со своими работами в Московском Художественном театре. И есть основания думать, что лучшие драматурги будут работать для МХАТа.

А, значит, легко и радостно думать о будущем театра. И свой юбилей мы будем праздновать весело, счастливо, зная, что наш театр будет жить и процветать.

Вторая точка зрения — из-за кулис
Андрей Семенович ШАРШКОВ, макетчик. Работает в МХАТе 45 лет. Заслуженный деятель культуры РСФСР:

— По красной лестнице театра будем сегодня идти мы — старые работники. В. А. Морозова, наш билетер, В. И. Горюнова, старший мебельщик - реквизитор, прослуживший МХАТу верой и правдой 55 лет, старший осветитель А. С. Гудков... Каждый свое вспомнит.

Вот, скажем, мой отец — приехал в Москву из Рязанской губернии вместе с шестью детьми, поселился в Историческом музее — там жил всякий рабочий люд. Время было не особенно сытое, сестры мои старшие — Люба и Мария — пошли работать в Московский Художественный театр, стали натягивать холст на подрамники. И меня приспособили к делу. Стал я работать в макетной. Всякое мастерил — столы, стульчики из картона, что-то делал из дерева, из металла... Поначалу все как в сказке себя чувствовал: видел, сидят в комнате три мастера, чудеса делают. Потом привык.

Теперь-то я один в комнате сижу — работаю. А тогда по три вместе сидели — и то, казалось, раздолье.

Я, к примеру, помню, как вел репетиции К. С. Станиславский. Сидят все в зале, ждут главного режиссера. Вот дверь открывается, по лестнице идет Константин Сергеевич... А в зале все встали — стоя его приветствуют. Совсем как в школе. Только там по обязанности встают, а здесь по душевному желанию, невольно. Да и немыслимо, казалось, сидеть при его появлении. Да. А с кем я сам-то работал? И с В. А. Симовым, и с Н. П. Кричевым, и с Б. Н. Ливановым, и с М. Н. Кедровым, и с И. М. Прутом. Вот рассажу вам два случая.

Один — это когда я с художником Николаем Петровичем Крымовым работал над макетом декорации к спектаклю «Горячее сердце» А. Н. Островского. Нужно мне было для одной из сцен сделать этакую круглую скамеечку вокруг дерева. Так вот, стою я, расписываю скамеечку разными красками, стараюсь, а Крымов — за моей спиной, наблюдает. Вдруг как закричит: «Стой!». «Ну, думаю, все. Спортил, наверное...», «Молодец, — говорит Крымов. — Больше мне чего не трогай. Вот такая скамейка мне и нужна».

А я, честно говоря, малость перепугался. Потому, видно, и запомнил.

С Борисом Николаевичем Ливановым работали мы по-другому. Это был человек темпераментный, увлекающийся. Очень я его любил. Сядет рядом со мной и заменит голос и заговорит «по-ливановски»: «Ты мне, братец мой, Андрей, тут озерцо сделай, чтоб блестело не хуже зеркала...». «Я-то, говорю, сделаю, Борис Николаевич, постараюсь, а как художники-декораторы-то делать будут? Ведь у них для этого и материалу нет...». «А это уж, брат, нас с тобой не касается. Это уж их забота. Пусть сами решают».

Много я макетов в своей жизни переделал, со многими умными людьми работал во МХАТе. А потом и на пенсию собрался — пора, вроде.

Но прошел месяц-другой дома, жена мне говорит: «Возвращайся, Андрей! Тоска у тебя в глазах, вижу!». А тут, как раз позвонили из МХАТа: возвращайся, говорят, нужен! Я и прибежал. Да и как я сюда не приду — вся моя жизнь здесь.

На ребятишек молодых смотрю, на помощников, думаю — а вы-то сумеете его полюбить, театр наш? Или это для вас будет просто ремесло, за которое деньги платят? Стараюсь, конечно, как могу, им эту любовь передать. Верю — не напрасно.

Третья точка зрения — из зрительного зала
В. В. ТАРАСОВ, доктор технических наук, профессор Московского автодорожного института:

— В наши студенческие годы имя народной артистки СССР Аллы Константиновны Тарасовой, как магнит, влекло нас в Московский Художественный театр. Спектакль «Таланты и поклонники», в котором она бессменно исполняла роль Негиной, мы старались не пропускать. «Ловили» активсу и в других спектаклях. Был случай, когда товарищи послали меня на квартиру к Алле Константиновне узнать, играет ли она в спектакле, на который мы доставали билеты. Еще не было одиннадцати часов, а я уже звонил в ее дверь. И слышал ее голос: «Да, да, я играю в три пятницу».

Неповторим талант блестящей комедийной актрисы МХАТа Ольги Николаевны Андровской. Ее роли отточены филигранно, безупречно.

А лучшим спектаклем на сцене МХАТа я считаю «Дни Турбиных», в постановке, которой руководил К. С. Станиславский. Я смотрел его около сорока раз. Какие только актерские составы не видел! Роль Шервинского до появления в театре А. Попова играла М. Прутин. В роли Тарасова выступал, как правило, М. Яншин. Изредка его дублировал И. Раевский.

Вспоминаю ноябрь — декабрь 1941 года. Я был в эвакуации, в Ташкенте. Жена моего друга — родная сестра Николая Павловича Хмелева. Николай Павлович проездом через Ташкент возвращался в Москву. И мне посчастливилось увидеть этого гениального артиста на квартире его сестры. Обаяние Хмелева в обыденной обстановке просто потрясало меня. Спокойствие, мягкость, доброта — одним словом... он был на редкость обаятельным человеком. Николай Павлович сам разрезал огромную дыню, раздал всем истекавшие соком куски и говорил только о Москве, только о театре. Для меня это незабываемая встреча.

Это было сорок лет назад, когда всемирно известный МХАТ еще не имел в своем названии буквы «А» — академический — и именовался МХТ — Московский Художественный театр.

27 октября 1928 года МХАТ праздновал свое тридцатилетие. Театр Революции, где я тогда служил, послал с приветствием маленькую делегацию. Так мне посчастливилось присутствовать на этом памятном, и я бы сказал, историческом, юбилее. «Историческом», потому что живы были еще оба основателя театра К. С. Станиславский и Вл. И. Немирович-Данченко, с приветствием театру выступал А. В. Луначарский, в зрительном зале были члены правительства, Л. В. Собинов, Е. В. Гельцер...

Итак, в назначенный час мы вошли в Камергерский переулок, который с утра того дня постановлением Моссовета был переименован в проезд Художественного. Весь проезд был заполнен людьми и автомобилями (это в 28-то году!). С трудом пробились мы в театр.

Развернулся занавес. Открылась огромная белая лестница, устланная золотой парчой, вдоль которой стоял весь персонал театра, а на вершина ее, под белой чайкой мы увидели «старичков», тех, кто проработал в театре три десятилетия. Под аплодисменты всего зала «старики» спустились с лестницы и сели на скамьи с левой стороны. Небольшая пауза, и вот на фоне пурпурного занавеса появляются основатели МХТ — Станиславский и Немирович-Данченко. Зал встает. Под гром оваций, заглушавший звуки марша, они вдвоем спускаются по лестнице...

От имени правительства театр приветствовал А. В. Луначарский. Он сообщил о присуждении актерам почетных званий и о назначении пожизненных пенсий Станиславскому и Немировичу-Данченко. «Я всегда стоял за сохранение стоя изумительного театра, зная, что он медленно, но верно придет к глубокому показу сущности наших дней, и в этом меня всегда поддерживал Владимир Ильич», — сказал Анатолий Васильевич.

Пришедших поздравить театр было так много, что дать слово каждому было немыслимо. От имени московских театров поздравление зачитала А. А. Яблочина. Выступали деятели театра из многих стран мира.

После всех приветствий слово взял К. С. Станиславский. Он сказал, что все сказанное здесь он разделит по-братски со своей «дражайшей половиной» В. И. Немировичем-Данченко. «Он — скромная супруга, а я — несидящий дома муж... Я разъезжаю с нашей общей труппой по всей России, Европе и Америке, а Владимир Иванович сидит здесь и караулит театр». Раздались крики «горько!», и Константин Сергеевич расцеловался с Владимиром Ивановичем. Потом Константин Сергеевич обратился с благодарностью к правительству за помощь театру и чуткое к нему отношение, за то, что театр был сохранен в годы революционных бурь.

Все торжество было продумано в каждой своей детали и сыграно неподдельным искренним чувством.

Год 1928-й

Народный артист РСФСР Сергей МАРТИНСОН

В КАДРЕ — Константин Сергеевич АЛЕКСЕЕВ

Хмурое октябрьское утро 1918 года. Москва, Каретный ряд, дом с палисадником вблизи сада «Эрмитаж».

Здесь должны были собраться к назначенному часу известные деятели русского искусства, создатели Московского Художественного театра.

— Приходите, непременно приходите! упрашивал каждого в отдельности Юрий Желябужский, молодой кинооператор, сын Марии Федоровны Андреевой.

Все они знали Юру еще мальчиком. И решили поддержать его любопытную затею. Желябужский захотел отметить двадцатилетие со дня основания Московского Художественного театра киносъемкой его корифеев. Раздобыв небольшой ролик пленки, он обратился с просьбой к Станиславскому, Немировичу-Данченко, Москвину, Качалову, Лужскому и Вишневскому приехать к домику, где тогда проживал К. С. Станиславский.

Затея Ю. А. Желябужского удалась. Не киносъемку, но замысел лишь В. И. Немировича-Данченко.

Как же была увековечена для экрана «великолепная пятерка» Московского Художественного театра? Спустя двадцать лет после киносъемки в Каретном ряду Желябужский рассказал:

— Мне хотелось увидеть, как будет держаться и «играть» перед кинокамерой Константин Сергеевич.

Перед домом был небольшой садик, стояла скамья. Здесь и решили снимать. С кинопленкой было очень туго. В России ее не делали. Достал несколько десятков метров старой позитивной ленты, кустарным способом сделал ее более чувствительной и решил снимать с утра, когда посветлее.

Приняли участники съемки, сообща придумали сюжет будущей киношутки, распределили роли и сразу, без репетиции, начали снимать.

...На скамье сидят Станиславский и Москвин. Они читают и обсуждают пьесу. Сейчас придут исполнители ролей, и Константин Сергеевич начнет с ними репетировать. Пришел артист Вишневский и сообщил, что Качалов якобы заболел, играть в пьесе не сможет.

Станиславский огорчен. Он вызывает Лужского, поручает ему роль, показывает, как ее играть. В этом месте камера запечатлела манеру Станиславского работать с актером, показала его режиссерские приемы. Он был очень легок, подвижен. Не обращая внимания на оператора, Станиславский разрабатывал с актером жесты и движения.

В разгаре репетиции появился Василий Иванович Качалов. Он в котелке, щеки впали, заострился нос. В Москве было тогда голодно.

Репетиция прервана. Все окружают Качалова. Он держит руку на горле, давится, не может говорить. Его усаживают, заглядывают в горло. Да, там что-то застряло. Нужна срочная операция. Где же взять хирурга? За дело берется Иван Москвин. «Хирург» запускает два пальца и извлекает из горла рыбу. Это стерлядка, но... металлическая. Что случилось?

Повеселевший Качалов улыбается:

— Голод на тетка.

Хотелось есть, он проглотил рыбку, лежавшую на столе. А она оказалась чугунной стерлядкой уральского литья.

Общий хохот. Смеется, откинув седую голову, Станиславский, за ним Москвин, Лужский, Вишневский...

Этим заканчивается сохранившаяся в музее МХАТа киношутка, единственная лента, в которой «играл» Константин Сергеевич Алексеев, известный всему миру под псевдонимом Станиславский.

...Историю этой киносъемки рассказал мне в 1938 году Юрий Желябужский. Мы сидели одни в зале кинотеатра. «Форум» я заарендовал на один час для того, чтобы вместе с оператором посмотреть этот уникальный фильм и прямо с экрана сделать снимки отдельных сцен.

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ,
лауреат Государственной премии.

НА СНИМКЕ:
Москвин, Станиславский, Качалов. Станиславский в киношутке, снятой в 1918 году.

Качалов почаевывает на горло, не может говорить.

ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ

25 декабря во МХАТе был день открытых дверей. В нем приняли участие многие корифеи сцены, те, кому посчастливилось работать вместе со Станиславским и Немировичем-Данченко. По-прежнему полны творческих сил В. Станицын, А. Грибов, М. Яншин, А. Степанова, М. Прудкин, П. Массальский и другие. К ним со словами сердечной признательности обратились товарищи по искусству, рабочие, колхозники, воины.

Мхатовцев пришли поздравить и самые молодые зрители — учащиеся города Дмитрова. Уже 15 лет дружит прославленный коллектив со школой из подмосковного города.

Как старых добрых друзей приветствовали актеров и режиссеров МХАТа рабочие московского станкостроительного завода «Красный пролетарий». Эти два коллектива связывает давняя дружба — почти 25 лет назад они заключили между собой договор о взаимном шефстве. С тех пор трудящиеся завода — непременные зрители всех премьер, участники творческих дискуссий и встреч. В свою очередь мастера театра — частые и желанные гости завод-ского Дворца культуры, красных уголков, цехов.

(ТАСС).